
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Юрий Кобрин. «...В молчанье и звучанье!». Переизбранное стихов, эссе, интервью, рецензий. Вильнюс, 2022. — 501 с.

Юрий Кобрин, русский поэт, переводчик литовской поэзии на русский язык, чьи стихи с удовольствием переводили на свой язык и литовцы, родился в России в Черногогорске (1943). В юности жил и работал на Сахалине, с 60-х годов его судьба связана с Вильнюсом, там он живет, там у него вышли первые книги.

Здесь сын рожден, здесь мой отец
пророс травой такой зеленой...
Здесь целовался, наконец,
сто лет назад под старым кленом.
Здесь никогда не одарю
друзей лукавостью чертовской,
когда негромко говорю:
«Я русский сын
земли литовской». (1999)

Дружеские отношения связывали Ю. Кобрину с Арсением Тарковским, который 1966 году дал ему рекомендацию в Союз писателей: «В искренности поэта никогда не сомневаешься. Его речь метафорична в мере, обусловленной требованиями хорошего вкуса, ума и той смелости, которая свойственна русской советской поэзии последнего десятилетия». Ю. Кобрин общался с Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавой, Р. Рождественским, Д. Самойловым, И. Бродским... «...В молчанье и звучанье!» — своего рода итоговая книга поэта, в которой он пересматривает избранные стихи прошлых лет после того, как пришлось «писать стихи в себе, не выносить на лист... / А паузу держать и пять, и десять лет / учился, рот зажав, чтоб не сорвался с уст вой». Основную часть

сборника составляет гражданская, публицистическая лирика. Позиционируя себя как «русский сын земли литовской», Ю. Кобрин открыто заявляет:

Я один из твоих осколков,
дорогой Советский Союз,
от побед, от бед твоих стольких
(жил да был ты!) не отрекусь.
Не примкну ни к стаду, ни к стае,
я к твоей причастен судьбе.
Жизнь свою сам перелистаю,
сам сыграю марш по себе.... (2015)

Жестко, резко, нелицеприятно — и очень смело — дает он оценку реалиям новейшей истории бывшей великой страны.

До хрипа стонали:
«За ва-а-шу и на-а-шу свободу!»
И «ваша» — у вас,
а «наша» досталась уродам.
А тем, кто вчера,
осмелев,
мнил себя диссидентом,
на горло накиннули
национальную ленту.
И гласная «а»
из согласных,
подобная птице,
Рванула так ввысь,
Что очухались мы за границей!
Ну, как тебе «лайсве»,
Создавшая русское гетто? (1998)

С 90-х годов болевой точкой в поэзии Кобрина становится тема Родины.

В Рождество вымерз куст смородины,
дворник листья хрусткие смел.
Мы с тобой остались без Родины,
нас в нерусский положат гроб....
Нас страшили «изменой Родине»,
но она изменила сама. (1991)

Тогда же, в 1991 году прозвучала «Почти молитва»:

Горек, горек дым отечества
не светла заря.
И откуда столько нечисти,
может, жили зря?
Пожалей же человечество,
Господи, спаси
не меня, мое Отечество.
...иже Ты еси...

В 2012 году поэт, овладевший искусством «выстоять, когда вы не нужны отчизне», констатирует:

Но я сдержал удар,
не умер иностранцем...
И русский свой язык
я сохраню дотолё,
покуда не отвык.
Болезь чужою болью.
..Я все исполнил в срок
в молчанье и в звучанье.

Порой стих Кобрин предельно краток, почти афористичен: «Чем малочисленной народ, / тем величавей прошлое...». Обычно в четырехстишие вмещается множество смыслов:

Польской речью сердца не обидишь,
по-литовски водочки налей...
Вспомним, как загнали в гетто идиш,
и по-русски плакал соловей... (2011)

В сборник включено множество стихотворений, посвященных русским и советским классикам, поэтам и писателям, в том числе циклы «Гены Ганнибала» и «Из венка Иосифу» (И. Бродскому). Пушкинская тема широко представлена в книге. В 2011 году по инициативе Ю. Кобрин в Вильнюсе у стен Пятницкой церкви, там, где в 1705 году Петр I крестил Ганнибала, прадеда великого поэта, была установлена скульптурная композиция — за осуществление своего проекта поэт боролся пять лет. Контрастом к первой, «гражданско-публицистической» части книги является вторая, меньшая, куда помещена лирика поэта 60-х — начала 80-х годов прошлого века широкой тематики: любовь, природа, время, память. Вот каким было тогда мироощущение поэта: «Такая мощь в стране, такая сила...», а в Вильнюсе, где «свободно течет польско-русско-литовская речь», — «пирует разум, творящий и дело, и слово». С неизменной любовью пишет поэт о Вильнюсе, прекрасном в разные времена года и суток, «Барельефы» посвящает друзьям, остро ощущает красоту бытия, посещая Крым и Кавказ, путешествуя по Европе. Поэт умело сочетает верлибр с традиционным стихом. Большие вещи ритмически перемежаются в этой книге с малыми формами. Как констатирует поэт, издатель Е. Степанов, «палитра стихотворных жанров, в которых работает Юрий Кобрин, на удивление велика и разнообразна. Он пишет и венки сонетов, и верлибры, и моностихи, и двустишия, и фигурные, и заумные стихи. Это способ выразить состояние души». В книге «переизбранного» много четверостиший, поэтическую ее часть заключает раздел «Максимы»: озорные, а подчас и ядовито-жесткие катрены.

Майдан, Майданек; память смыта,
творится в мире кавардак,
и — русофоб с антисемитом
танцуют боевой гопак.

Много добрых, точных слов о поэте сказано друзьями, профессиональными литераторами (К. Ковальджи, С. Бэлза, А. Карпенко, Е. Степанов, А. Радашкевич, В. Кафта-

нов, Б. Евсеев) во вступительном слове. В финале — эссе Кобринина о встречах с А. Тарковским, учителем и кумиром.

Евгений Каминский. Голод. Рассказы и повести. М.: Союз российских писателей, 2022. — 95 с.

Евгений Каминский повествует о злоключениях молодого геофизика Бызова, впервые принявшего участие в морской экспедиции. Повествует ярко, весело, с изрядной долей доброй иронии и здорового юмора. Например, рассказ «Воин фараонов». Курьезная история произошла в Средиземном море. Обычно ночью после взятия донных проб (днем из-за работ лебедок напряжение в сети скакало как сумасшедшее, сводя на нет результаты измерений) Бызов «сражался» на палубе с набитым ветошью мешком, тренировался. И вот выйдя на палубу, он столкнулся с двумя неизвестными с пистолетами-автоматами в руках. «Один из автоматчиков, длинный, худой, с красивым, как у античного героя, правда, смуглым лицом, в небесно-голубом джинсовом костюме и второй, пониже, столь же смуглый, улыбочивый толстяк в довольно хорошей куртке и брюках. Оба уставились на Бызова с удивлением... Пройдя меж автоматчиками с таким видом, словно их тут нет, он принялся бинтовать руки перед тем, как надеть боксерские перчатки». Неожиданно античный красавец — как оказалось, египетский чемпион по боксу — пожелал боксировать с русским «чемпионом». Итог оказался неожиданным. Откупаться от проигравшего любителю Бызову разъяренного египтянина, «чтобы всех не перебили», пришлось шестисотграммовыми банками тушеной говядины из неприкосновенного запаса, лишив на будущее команду супа с тушенкой. Угроза была вполне реальной: египтянин-полицейский находился при исполнении служебных обязанностей: готовился сопровождать переход судна через Суэцкий канал. Время действия повестей и рассказов — советское, со специфическими советскими проблемами. Морскому делу геофизик Бызов обучен не был и потому, впервые попав в море, обречен был нищенствовать и побираться. «Поначалу (первые две недели) он надеялся на то, что все ему здесь будет, и потому ни о чем не беспокоился. И пока он надеялся и не беспокоился, члены команды выметали все съедобное из судовой лавки и растаскивали это по своим каютам». Бывалые члены экипажа держали в своих рундуках и сало в тряпиче, и палки колбасы, и тушеную свинину с говядиной, и даже кильку в томате, которой в те времена повсюду было — ешь не хочу, и только у Бызова ничего не было. «И на что только надеялся Бызов, если стоимость продуктов, положенных каждому на суточное питание на этом судне, не должна была превышать девяносто копеек?!» На рыболовецких траулерах подобный бюджетный рацион рыбаки добывали выловленной рыбой, на судне Бызова рыбу не ловили, а поднимали на борт железомарганцевые конкреции со дна Индийского океана, да и находилось судно там, где водились только летучие рыбы и акулы. Голод подвигал Бызова, отторгавшего казенную пищу, на неадекватные поступки (повесть «Голод»). Голод Бызов познал и в студенческие годы, когда он, студент-дипломник, проходил практику на северной оконечности Евразии, в поселке, куда добраться можно было только на вертолете (рассказ «Отпалка»). «Страдания» Бызова забавны (голодная смерть ему точно не грозила) и поучительны, поучительны без навязчивого нравоучения. За всем, что с ним происходит, в подтексте прочитывается история становления личности, главное в котором — борьба с самим собой. И не случайно композиционно Е. Каминский строит сборник в обратном временном порядке: от настоящего («Голод») — к прошлому («Отпалка»), с включением экскурсов в детство героя. Нравственный императив — готовность делиться с другими — был заложен еще в детстве. Единогласно избранный

на одном из судебных собраний председателем ревизионной комиссии, Бызов встал над вторым помощником капитана, ведавшим всем съестным на судне. Казалось бы, все, проблема недоедания решена. Но Бызов действует по принципу, усвоенному в пионерском детстве: «...все, что дается людям в жизни, а особенно продукты питания, должно быть разделено между ними поровну, по справедливости. Непременно. А как иначе, если все люди — братья?!» Трагической ошибкой своего детства Бызов считал случай с украденным куском ветчины из буфета кинотеатра. И уже во взрослом «Бызове» началась капитальная перестройка: из легкого, почти воздушного вещества безотказного рубахи-парня стал складываться полновесный мужик, понимающий главное: чтобы всегда оставаться человеком, надо время от времени страдать. Хотя бы — от зверского голода, который, если знаешь, для чего он тебе ниспослан, не позволяет сделаться зверем. Правда, и это универсальное средство действует лишь до определенного предела...» Пример нравственности Бызов получил и во время своего первого плавания, когда испытал длительный жесткий приступ морской болезни. «Десятилетия спустя, когда Бызов, захлебываясь от негодования, доказывал своему ироничному собеседнику (умнику, цинику) тот факт, что нынешнее поколение людей расчеловечено, а тот усомнился в этом: мол, люди всегда таковыми были, то есть „расчеловеченными“, когда своя рубашка ближе к телу, когда умри ты сегодня, а я завтра, когда после меня хоть потоп, и просил Бызова указать ему хотя бы на одного „нерасчеловеченного“ человека из его жизни (только, пожалуйста, без „юродивых Христа рада“), Бызов, сам не понимая почему, принялся перечислять имена членов команды того самого СРТМ — русских, эстонских и литовских мужиков (а ведь было!). И только когда перечислил всех, понял, почему это сделал. Каждый из них жертвовал тогда несчастному Бызову что-то сугубо личное, что-то такое, что необходимо прежде оторвать от себя, чтобы вручить это тебе. И если не исцелить тебя этой своей жертвой, то хотя бы облегчить твою участь. Никто из них тогда не смеялся над Бызовым, по-тараканьи бежавшим на корму, не отпускал даже невинных шуток в адрес его. А были и такие, что предлагали Бызову свои крепкие спины, чтобы отнести несчастного к месту назначения...» («Ребро жесткости»). Е. Каминский пишет иронично, живо и — просто красиво. «Бызов выходил на палубу поглядеть на южное ночное небо, на черном бархате которого был рассыпан весь алмазный фонд Царства небесного. Это небо отличалось от того, к которому Бызов привык у себя в Питере и на котором частенько тусклой керосиновой лампой горела лишь Полярная звезда. Остальные звезды вечно прятались в тумане или вообще отсутствовали. И только тут, в Средиземном море, Бызов понял, куда именно сбегали звезды с холодного питерского неба. А главное, почему».

Марина Азизян. «Четвертая четверть». СПб.: Вита Нова, 2021. — 352 с.: ил.

Марина Азизян, художник-постановщик, сценограф, живописец и график, в 1959 году окончила театрально-постановочный факультет Ленинградского театрального института (класс Н. Акимова). Работала с Акимовым в Ленинградском театре комедии. Первый опыт работы в кинематографии получила в 1963 году на съемках фильма «Калин XVIII». Режиссер фильма Н. Кошеверова стала для начинающего художника родным человеком. М. Азизян участвовала в создании двадцати пяти фильмов, в том числе «Старая, старая сказка», «Царевич Проша», «Ослиная шкура», «Драма из старинной жизни», «Монолог», «Сильва», «Обрыв». Как художник-постановщик сотрудничала с лучшими отечественными сценаристами, режиссерами, балетмейстерами, среди них Н. Эрдман, Е. Шварц, А. Володин, И. Авербах, Г. Козинцев, Я. Фрид, В. Венгеров, А. Кайдановский. Она оформила десятки драматических, балетных и оперных спек-

таклей в театрах России, в том числе «Лебединое озеро» в постановке В. Васильева и оперу «Богема» в Большом театре. Была близко знакома с А. Германом, который учил своих однокашников вольнодумству и бесстрашию, среди ее друзей композитор О. Каравайчук, художники Н. Альтман и Э. Кочергин, режиссер А. Сокуров, сценарист и актер Ю. Клепиков. Она помнит, как балетмейстер Л. Якобсон был признан чиновными лицами идеологически отсталым, взбесив их и тем, что открыл новую, шестую позицию в балете — носки вместе, пятки в стороны. «Никак не могли простить этой вольности балетмейстеру знатоки основ хореографии из Комитета по культуре!» До сих пор на «Ленфильме» ходят легенды о том, как М. Азизян создавала костюмы для Элизабет Тейлор, исполнявшей роли Феи, Матери, Ведьмы в первом советско-американском фильме «Синяя птица» (1976, режиссер Джордж Кьюкор). Актриса забрала работы английского художника, а советская художница угодила капризной звезде, та даже предложила ей стать своим личным дизайнером. В жизни М. Азизян было много неформальных встреч: Т. Гнедич, Д. Мазина, В. Высоцкий, М. Барышников, И. Бродский (повторное свидание с ним, назначенное на пять утра «у Пушкина», не состоялось: она пришла к Пушкинскому Дому на Васильевском острове, он — на Мойку, 12, второй раз они встретились только через десять лет). В течение многих лет по инициативе и при участии М. Азизян в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме проходили Рождественские вечера, объединяющие художников и зрителей разных поколений. В 2004 году был осуществлен совместный проект Азизян и Тонино Гуэрра, известного киносценариста, соавтора Ф. Феллини, М. Антониони, В. де Сика, А. Тарковского: «Фантастический словарь»: небольшие новеллы на тему итальянского языка Гуэрры и композиции художницы, выполненные в технике шитья. Но не только об известных людях, с которыми довелось встречаться, работать, рассказывает М. Азизян. Она родилась в Ленинграде в 1938 году в семье художника-живописца Ц. Азизяна и искусствоведа А. Соколовой. В доме на Тучковой (ныне адмирала Макарова) набережной ее застало начало блокады. «Я была маленькая, но в памяти осталось одно время года: темное, холодное и голодное», а еще то, как дед размачивал в деревянной бочке плитки столярного клея, чтобы его можно было есть. Мать, беспокоясь за родителей, осталась в Ленинграде, девочку отправили в эвакуацию в Йошкар-Олу. «Голодали детдомовцы чуть меньше, чем в Ленинграде, но никак не удавалось наесться досыта, и мы бродили вокруг вагонов, в которых жили, в поисках какой-нибудь травки, которую можно было жевать». Жевали кислицу, клевер, пробовали все травки, иногда это кончалось общим поносом. У М. Азизян потрясающее чувство слова, богатый язык, память яркие детали, что позволяет ей воссоздать атмосферу далеких эпох, начиная от дореволюционной жизни прадедов, известной ей по рассказам родных. Подробно воспроизведен послевоенный быт: коммунальная квартира в бывшем доходном доме графа Стенбок-Фермора на Тучковой набережной, в которой жило шесть семей; общественные бани, барахолка 50-х годов, детские дворовые игры. И такая вот неожиданная «деталька», одна из многих неожиданных: «Поскольку мы жили за „железным занавесом“, вся икра была наша и консервы с крабами тоже, частенько и бутерброды с икрой, когда их давали в школу, приносили обратно». Девочка была не из привилегированной семьи: родители в разводе, мать работает в Эрмитаже, отец далеко в Ереване. Рассказы о поездках к отцу дополнит рассказ о путешествии в Армению Акимова и встречах с Параджановым. Особый сюжет: КГБ и Азизян. В середине 70-х годов из-за связи с обвиненным в антисоветской пропаганде писателем В. Марамзиным Азизян оказалась под бдительным оком КГБ. Решительная свекровь, чтобы уберечь невестку от ока КГБ, пристроила ее на Пряжку, где художнице грозили «нехорошие» уколы. С помощью Н. Кошеверовой удалось перевести Марину в Бехтерев-

скую больницу, где инсулиновых шоков не предполагалось. Книга М. Азизян — не обычная книга воспоминаний. На протяжении всей жизни она делала записи и зарисовки в амбарных книгах... «Начинала делать что-то в одной, не заканчивала ее, начинала другую, потом брала отложенную, ту, что попадалась под руку. Дат не ставила. Скопилось множество беспорядочных материалов: наблюдение, воспоминание, а на следующей странице мог быть рецепт шарлотки, чей-то телефон, какие-то рисуночки, иногда полюбившиеся стихотворение, расписание электричек, рецепт диеты для похудения, средство об бессонницы... Когда захотела привести в порядок записи или зарисовки, иногда не могла восстановить в памяти дату, когда они были сделаны». Из этого хаоса она смогла выбрать самое главное. Записи о том, что видела, о всемирно известных людях и о тех, кого, может быть, никто и не вспомнит, кроме нее: о родных и близких, о сказочно одаренных учителях из ее школы, о соседях-блокадниках из их коммунальной квартиры. «Мне так обидно было бы, если бы след от них навсегда пропал в тумане времени, а они сияют в памяти моей яркими звездами не хуже, чем некоторые из тех, кого справедливо называют теперь звездами, с кем мне тоже довелось встретиться в моей жизни. ...Поэтому я стала собирать сюжеты и компоновать их независимо от хронологии». И столь разные сюжеты сложились в чудесное повествование, полное юмора и самоиронии. Текст сопровождается рисунками автора, созданными специально для настоящего издания.

Анатолий Кучирь. История мореходства в эпоху весла и паруса.

Краткий очерк. Выпуск третий «Мореходство в начале Нового времени».

СПБ.: ООО ИПК «Коста», 2022. — 182 с.: ил.

Для Анатолия Кучиря начало Нового времени в истории мореходства — пора юности и возмужания флотов. Это время Великих географических открытий, когда европейцы устремились на поиск новых путей в знакомые богатые страны Востока, ибо старые пути оказались в руках турок и арабов, а установленные ими высокие пошлины безопасность не гарантировали. Время создания флотов и первых многопарусных кораблей, первых дальних океанских плаваний и открытий. Прелюдией к эпохе Великих географических открытий автор называет деятельность португальского принца Генриха Мореплавателя и плавание португальца Бартоломеу Диаша, обогнувшего Африку с юга и вышедшего в Индийский океан (1487). А начало этой эпохе положил Колумб, отправившийся в 1492 году к берегам Индии и попавший в Америку. А. Кучирь рассказывает о тех, кто вписал свои имена в историю Великих географических открытий: Америго Веспуччи, да Гама, Магеллан, Вильгельм Баренец... О беспощадных битвах за заокеанские владения, которые вели на морских просторах Испания, Португалия, Англия, Франция, Голландия. В то время как европейские государства совершенствовали свои корабли, оттачивали тактику морских сражений, Московское великое княжество, только что сбросившее ненавистное иго, входило в Новое время в состоянии затяжного экономического упадка. Создание русского флота у нас привычно связано с именем Петра Великого, автор же обращается к малоизвестным страницам трудов предшественников Петра по выходу к морям, по возвращению прежних речных торговых путей, по возрождению кораблестроения, в первую очередь речного. Московия рвалась к морям. Речные флотилии Ивана III (а именно в его царствование состоялся первый в истории Московского государства поход речного десанта, сыгравший важную роль в «Великом стоянии на Угре») прокладывали торговые пути к Каспийскому морю, играли важную роль в обороне от агрессивных соседей — Казанского и Астраханского ханств. Стремясь выйти из-под ганзейского контроля и занять равноправное положение в морской торговле на Балтике, Иван III закрыл Ганзейский двор в Великом Новгоро-

де, построил Ивангород. Преодолевая жесткие санкции, с которыми столкнулась Русь, он заключил действенный союз с Данией. В царствование Ивана Грозного после падения Казанского и Астраханского ханств Волга на всем протяжении стала русской рекой и вывела Россию к Каспийскому морю — свободному, «ничейному», где ни одна страна не имела флота. Глухая морская блокада Московии была прервана. Интерес к волжскому пути проявляли и европейские страны. В Астрахань по Волге стало ежедневно проходить до 500 купеческих судов. Параллельно шло освоение северных морей: установление морских сношений с Норвегией, появление англичан на Белом море, укрепление торговых связей Московии и Англии северными морями. Удачно начатая Иваном Грозным война за выход в Балтику завершилась потерей завоеванного: удалось сохранить только участок побережья Финского залива с устьем Невы. Польский король Сигизмунд III наложил запрет на проход кораблей Англии в Россию, объясняя в письмах Елизавете I это так: «...враг научается... владеть оружием, а усовершенствовавшись в военном деле орудиями и кораблями Московский царь будет непобедим». Одновременно русское войско вело боевые действия на побережье Черного моря, на территории Крымского ханства. Попытки продвинуть границы к южным и северным морям предпринимали цари Алексей и Федор Романовы, правительница Софья. Афанасий Ордин-Нащокин, дипломат и политик времен Алексея Михайловича, развернул большую кораблестроительную компанию на Оке (1667–1668), он же разработал для российских кораблей военно-морской флаг — триколор. А. Кучирь подробно пишет об успехах и поражениях допетровской России в развитии флота: кораблестроение, речные походы, роль речного флота во взятии Казани, выходы в море, дипломатия Московии. Приведены описания, технические характеристики ладей, стругов, поморских кочей Московского царства. В дальнейшем — парусных судов Петра I. История рождения петровского флота изложена от первых шагов будущего императора (его «морские затеи», поездка в Архангельск, воронежские верфи, первая проба сил на Азовском море, Великое посольство, когда Петр познавал практику кораблестроения в Голландии, теорию — в Англии) до превращения России в империю, завоевавшую себе в Великой Свейской войне путь в Балтийское море. А все вместе это и первые опыты российского кораблестроения, и первые боевые русские корабли, первые морские плавания, первые сражения и первые победы российского флота, война на море и ее герои. О своих соратниках Петр I говорил, что это вечные памятники России. И А. Кучирь дополняет свое повествование справками-рассказами о сподвижниках Петра, стоявших у истоков сотворения русского флота. Среди них были дипломаты, воители, корабельщики, строители, организаторы. Имена известные и подзабытые. На фоне многовекового поступательного развития европейского мореплавания стремительный прорыв России в число крупнейших морских держав, констатирует автор, был возможен благодаря гению Петра I, запредельному напряжению сил всего народа русского, подвигам соратников и подвижников строительства флота. Этому выпуску, посвященному морской истории начала Нового времени, предшествовали два других: «Мореходство в Древнем и Античном мире» и «Мореходство Средних веков».

Публикация подготовлена
Еленой **ЗИНОВЬЕВОЙ**

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)